

**Татьяна
Подплетённая**

МЕГАМАГИЯ. АДА

*Шаг к Посвящению.
Узнай всё, что посмеешь.
Ощути Силу.*

Татьяна Подплетённая Мегамагия. Ада. Шаг к Посвящению. Узнай всё, что посмеешь. Ощути Силу.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18325066

ISBN 9785447470937

Аннотация

Как войти в темноту ночи, чтобы встретить самый яркий рассвет в своей жизни? Пройди Посвящение вместе с Адой – обычной студенткой, в жизнь которой вошла Мегамагия. Это первый шаг – здесь рассказывается история. О том, как получить Силу. О том, как встать на Путь. Это Великое Волшебство, которое станет чьей-то жизнью. Чьей-то... Может, Твоей? Сделай шаг – открой книгу. Узнай Тайну Мегамагии.

Мегамагия. Ада

Шаг к Посвящению.

Узнай всё, что

посмеешь. Ощути Силу.

Татьяна Подплетённая

© Татьяна Подплетённая, 2016

© Татьяна Подплетённая, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Своего отца Ада никогда не любила. Потому что он тоже не любил ее. Не то чтобы он когда-то обижал или притеснял ее, нет, этого не было. Просто за все двадцать лет ее существования он, казалось, ни разу не обратил на нее внимания, не заговорил с ней, кроме как по мелочам. Правда, он и с ее матерью почти не разговаривал.

Отец у Ады вообще был странный. Высокий, худой, но, как говорят в народе, «жилистый» и сильный, он так сгибал плечи, что со спины выглядел стариком. Вообще, на вид ему можно было дать как сорок, так и шестьдесят лет. Ада не знала даже года его рождения, потому что никогда не видела паспорт отца, а его день рождения они никогда не отмечали.

Волосы у него были черные, косматые, с проседью. Глаза

тоже такие черные, что в их пронзительной глубине и зрачков-то нельзя было различить. Лицо темное, пергаментное, исчерченное жесткими морщинами. Руки большие, грубые, с выпуклыми лиловыми венами.

Работал он тоже как-то странно: приходил и уходил всегда в одно и то же время, с точностью до минуты, и тут же шел в свою комнату, даже не поев. Мать потом относила ему ужин. Друзей у отца Ады не было, родственников и просто знакомых, казалось, тоже.

Еще он не курил и не выпивал и всегда молчал. Если ему случалось оказаться с женой и дочерью в одной комнате или на кухне, он обычно не говорил ни слова, только односложно отвечал на вопросы жены.

Вот за это вечное молчание Ада его просто ненавидела. Чужие сказали бы, что у них в доме нездоровая обстановка – постоянные тишина и безмолвие.

Отец никого не приводил домой, Ада тоже не осмеливалась. Конечно, в школе и в институте у нее были друзья, но она никогда не приглашала их в гости. На жизнь им троим, в принципе, хватало, но хвастаться было особенно нечем.

Хотя, наверное, Ада просто не хотела тревожить отца и его постоянное уединение – в глубине души она все-таки всегда боялась его, как боятся дети молчаливых и неприступных людей. С годами она попыталась преодолеть этот страх, вытеснив его собственным безразличием к тому, что

происходит у них дома.

Поведение матери тоже всегда казалось ей необъяснимым. Мать была тихой, неприметной, серенькой. Она тоже всегда молчала. Было видно, что она просто боится мужа и заранее во всем ему подчиняется.

Короче, атмосфера в их семье была, прямо говоря, гнетущей. А была ли сама семья? Ада неоднократно задавала себе этот вопрос и сама же с удивлением отвечала: «Да». Несмотря на то, что никто никому вроде бы и не был нужен (хотя с матерью у Ады были, в общем-то, неплохие отношения), все были подчинены одной воле, единому влиянию отца, и это их всех троих и объединяло.

Впрочем, они друг друга почти и не видели. Приходя с работы, отец сразу же проходил в свою маленькую комнату, в которой почти безвылазно сидел не только все вечера, но и выходные. Как ни странно, Ада почему-то ни разу в жизни не только не зашла туда, но даже и не заглянула, хотя вряд ли смогла бы и сама себе ответить, почему.

Мать была диспетчером и часто работала в ночную смену, поэтому и ее Ада видела урывками.

Повзрослев, она старалась как можно реже бывать дома. Учась в институте почти на другом конце города, она всегда находила себе массу полезных и интересных способов избежать домашнего времяпрепровождения.

Вот и теперь Ада собиралась на плановую вечеринку – день рождения подруги. Прибежав в эту последнюю перед

сессией пятницу домой уже под вечер, она лихорадочно вывалила на диван гору тряпок, заранее мучаясь от того, что потом все это придется складывать и вешать на место. Матери не было уже несколько дней – отец неожиданно сделал ей подарок: купил недельную путевку в санаторий, и она беспрекословно собралась и поехала, правда, без особой радости.

Отец, по обыкновению, уже сидел в своей каморке, как про себя называла Ада его любимое место постоянного уединения. Привычную тишину изредка прерывал тяжелый кашель, значит, дверь в каморку почему-то была приоткрыта.

Ада была почти готова и теперь перед зеркалом в пятый раз наматывала и тут же снимала ядовито-зеленый шарфик, когда в коридоре послышались шаркающие шаги и вслед за ними раздался голос:

– Когда ты придешь?

Ада застыла на месте с дурацким шарфиком в руках. Это был первый вопрос, который задал ей отец в этой жизни. А теперь и сам он стоял в дверях, видимо, ожидая ответа.

От такого проявления внимания девушка растерялась и чуть слышно пролепетала:

– Не знаю... Может, около двенадцати...

– Приходи, – едва дослушав, сказал отец и ушел к себе.

Ада едва не задохнулась от удивления. Посмотрев на свое отражение, она увидела, что оно так и стоит с открытым ртом: ведь отца никогда раньше не интересовало, где и с кем

она проводит свое время. Когда дочь приходила за полночь, его ничуть не беспокоила ее безопасность. Тогда с чего это он спросил?

Но времени на размышления не было – она и так уже опоздала. И чего ее заклинило на этом шарфе? Сорвав его с шеи и бросившись к двери, она все-таки еще раз взглянула на упавшую тряпку: может быть, надеть? А, ладно... А то она и так уже доберется позже всех.

Не дождавшись лифта и стуча каблуками по лестнице, она с каждым пролетом прокручивала в памяти лицо отца и его слова. В последнее время он что-то сильно сдал: хрипло надрывно кашлял, ходил, волоча ноги, но к врачам не обращался. Лицо его похудело и потемнело еще больше, а взгляд стал более блестящим и пронзительным.

Странно, но сейчас на лестнице Аде казалось, что этот взгляд словно до сих пор провожает ее, упирается в спину.

Выбежав из дома, она тут же забыла о своих странных ощущениях, и все ее мысли переключились на вечеринку и тех, кого она может там встретить.

Было без четверти двенадцать, когда приятель Ады сделал на своем маршруте по развозу дорогих гостей по домам очередную остановку – возле ее родной многоэтажки. После шумного прощания и настойчивого отказа проводить ее до двери, Ада побрела к дому. Вообще-то она отказалась из-за боязни, что остававшиеся в машине захотят сделать при-

вал теперь уже у нее.

Входя в освещенный подъезд, она с ужасом думала о том, что, если лифт не работает, ей придется плестись пешком на девятый этаж. Что ж, к утру она точно доберется. Если не заснет где-нибудь между пролетами. К счастью, с лифтом все было в порядке.

Девушка открыла дверь и сразу почувствовала в квартире резкий запах гари. С тяжелым сердцем шагнув за порог, она поняла, что это не гарь. Так пах бы целый коробок одновременно зажженных спичек – чем-то вроде серы и горящего дерева.

Все же она испугалась – не пожар ли? – и хотела метнуться на кухню, но услышала голос отца, в полумраке пустой квартиры прозвучавший особенно громко и пугающе:

– Иди сюда!

Похолодев, Ада пошла вперед, даже не сняв сапоги и куртку. Запах усилился. Перед приоткрытой дверью в отцовскую комнату он стал просто удушающим. Девушке вдруг показалось, что по квартире пронесся порыв ветра, словно все окна в ней были распахнуты.

Она остановилась, не решаясь войти. Что-то не давало сделать ей последний шаг.

– Заходи же, – раздалось изнутри довольно зловеще.

Ада толкнула дверь, и она распахнулась с недобрый скрипом.

В комнате отца горело множество разноцветных свечей,

которые освещали комнату мерцающим голубым и зеленым светом. Их пламя резко колебалось, будто раздуваемое сильным ветром, как и дым десятков ароматических палочек, наполнявших комнату странным сочетанием экзотических ароматов.

У стены стояла невысокая тахта, на которой лежал отец. Его взгляд был устремлен перед собой, словно упирался во что-то невидимое. Дышал он тяжело и почти все время кашлял, до видимых вен напрягая худую шею.

– Подойди, – хрипло сказал он дочери, даже не глядя на нее.

С усилием, как будто преодолевая невидимое препятствие, Ада сделала шаг вперед. Когда она оказалась в комнате, внезапно раздался какой-то шум: вздохи, шелест, похлопывание. Что-то громко стукнуло в оконную раму. Отец надрывно вздохнул, и все тут же стихло. Только сверкающие язычки свечей потрескивали, колеблемые движением холодного воздуха.

Глаза отца, наконец, обратились к Аде:

– Я умираю, – тихо сказал он, и лицо его исказилось, как от мучительной боли.

Потрескивание свечей стало еще сильнее, и снова раздался шелест. Было слышно, что на улице тоже поднялся ветер.

– Я умираю, – повторил лежащий человек, – а ты... остаешься, – глаза его скользнули по дочери.

Ада стояла, не в силах не только произнести ни слова,

но и просто пошевелиться.

Ее вдруг обдало холодом, в комнате что-то хлопнуло, а тело отца забилося в конвульсиях. Хрипя от душившей его боли, он пытался сказать что-то, но не мог.

Глаза его были широко открыты и снова упирались во что-то Аде невидимое, руки металась по одеялу. Внезапно невероятным усилием воли остановив одну, он протянул ее к дочери:

– На, возьми, возьми...

Ада с ужасом смотрела на простертую к ней руку. Все ее существо стремилось прочь отсюда, из этой комнаты, от этого страшного человека, но тело ее не слушалось. Она будто приросла к полу.

– Возьми! – kloкочущим, как раскат грома, голосом, крикнул отец с неожиданной силой, и прежде мутные глаза его засверкали злобными искрами.

Вне себя от страха Ада дотронулась до его руки. Он с силой сжал ее ладонь, и в это мгновение Ада почувствовала, как холодная и одновременно обжигающая дрожь пробежала по ее телу.

Внезапно глаза отца прояснились. Он отпустил дочь, и его руки мирно легли на грудь. Свечи разом перестали трещать, и все стихло, даже ветер за окном.

В пляшущем полумраке человек на тахте глубоко вздохнул еще раз и закрыл глаза.

Несколько секунд Ада смотрела на него, а потом броси-

лась вон из комнаты. Звонить в «скорую».

Многое изменилось в доме после смерти отца. Мало-помалу их квартиру бесцеремонно заселили звуки, присущие всем нормальным квартирам, и Ада, может быть, впервые за всю жизнь почувствовала себя свободно и раскованно.

Она не переставала удивляться метаморфозам, происшедшим с ее матерью: та потихоньку начала улыбаться и даже смеяться, чего раньше с ней никогда не случалось, пользоваться косметикой, изменила прическу, стала ярко и нарядно одеваться. Казалось, что эта женщина просыпается после долгого сна.

У нее появились подруги, а потом и друг, и, подмигнув Аде, с которой они теперь весело и безбоязненно болтали по утрам, так как только тогда, в основном, и виделись, мать не приходила ночевать.

Наблюдая за этими переменами, Ада чувствовала, что и сама меняется. Она ощущала себя иначе, не такой, как прежде. Зеркало говорило, что взгляд ее стал глубоким и проникновенным, а улыбка сдержанной. Все заметили, что у нее потемнели волосы, а пара институтских подружек утверждала, что и глаза.

Ада вдруг полюбила одиночество. Теперь она могла весь вечер сидеть дома, и у нее не появлялось ни малейшего желания пойти куда-нибудь. Она стала молчаливой и спокойной, почти меланхоличной.

Наливая себе очередную чашку чая, чтобы засесть перед телевизором, она говорила себе, что, наверное, всегда этого и хотела – быть домашней, замкнутой на все замки. Это присутствие отца гнало ее из дому, но больше так не будет.

Однажды в их квартире протек потолок. В большой комнате, где она спала, как раз над кроватью. Шли проливные весенние дожди, а они жили на последнем этаже. Ада передвинула свой диванчик в другой угол, но на следующий день потекло и там. Тогда она решила, пока крышу починят, перебраться в другое место. Например, в комнату отца.

Странно, но эта идея показалась ей вполне логичной и естественной. Зайдя туда впервые со времени похорон, она рассмотрела все как следует. А ведь раньше ей и заглянуть сюда в голову не приходило. Впрочем, что интересного здесь можно было увидеть?

Обычная небольшая комната с одним окном. Из-за потемневших обоев и почти черных от времени старинных узорчатых ковров на полу и над тахтой она казалась еще меньше. Возле окна с тяжелыми бархатными шторами стоял письменный стол. Его гладкая поверхность была покрыта пылью.

Несмотря на то, что они с матерью первым делом собрали и выбросили свечи и сгоревшие палочки благовоний, в комнате все еще пахло довольно-таки экзотически. Но Аде этот запах показался даже приятным.

Бра над тахтой, настольная лампа, стул и мягкое кресло делали обстановку вполне стандартной, если бы не од-

на деталь, которая позабавила Аду: в дальнем углу к стене была прислонена старинная ширма. Разглядывая пожелтевшую от ветхости ткань и потертые створки, девушка думала о том, как бесцеремонно не вписывается в обстановку мужской комнаты этот осколок былого. Такие теперь сохранились лишь у старушек с претензией на аристократизм да, пожалуй, у любителей старины. Но, судя по остальной мебели, ее отец к ним не относился. Во-первых, не с их доходами было иметь подобные слабости, а во-вторых, кажется, он ценил в предметах только их функциональность и не более. Может, ширма просто досталась ему по наследству?

Сначала она хотела вынести ее и засунуть в комнате за мебельную стенку, но потом подумала, что этот старинный предмет вполне может пригодиться, ведь за ним так удобно переодеваться. И хотя ей вроде бы не от кого было прятаться, она решила пока оставить ширму на месте.

Придя к этому решению, Ада открыла дверцы высокого шкафа. Он оказался полупустым – у отца был весьма скромный гардероб. Даже сейчас она вряд ли бы смогла точно описать, в чем он ходил на работу – кажется, в чем-то темном, вот и все. Значит, забота о собственном внешнем виде тоже лежала вне сферы его интересов.

Кстати, Ада только сейчас сообразила, что отец никогда не смотрел телевизор. И радио не слушал. И никакой аппаратуры в его апартаментах тоже не наблюдалось.

Зато он читал книги – вон их сколько в огромном тем-

ном шкафу. Что ж, это характеризует его с лучшей стороны. Она подошла и вынула одну из книг – тяжелую, в темно-зеленом переплете с выцветшим золотым тиснением. Ха, почитать не удастся – какой-то чужой язык, вместо иллюстраций – непонятные схемы...

Запихнув книгу обратно, девушка вытащила другую – такую же, только еще более старую и уже коричневую. На желтых листах стройными рядами вместо букв выстроились какие-то значки, иначе и не скажешь. На мгновение Аде показалось, что она понимает их. Какие-то слова на неизвестном языке сами собой сложились у нее в голове, но она тут же почему-то захлопнула фолиант и водрузила его на место.

Еще раз обведя взглядом комнату, Ада вдруг решила, что тут ничего. Жить можно. Если ей придется провести здесь несколько ночей, неплохо бы и убрать.

И, вытерев пыль и тщательно вымыв и натерев полы, к несказанному удивлению матери, она перебралась в отцовскую комнату.

Когда Ада впервые легла там спать, все события той ночи, когда умер отец, снова предстали перед ней, как будто кто-то включил повтор страшного реального шоу. Она и прежде не раз вспоминала все это, и каждый раз происшедшее пугало ее своей необычностью. Снова и снова память возвращала ее в эту ночь, словно требовала найти, заметить что-то упущенное и непонятое ранее. Но воспоминания и ощущения

всегда были одинаковыми, зафиксированными и в то же время почему-то загадочными и в чем-то новыми. В конце концов она пришла к выводу, что затаенный страх перед отцом, потрясение его смертью и выпитое на дне рождения подружки шампанское вызвали все те необычные ощущения, которые преследовали ее до сих пор. И она заставила себя перестать думать об этом.

Но теперь, лежа на тахте, на которой столько лет спал и умер ее нелюдимый отец, она не испытывала ни малейшего дискомфорта. Воспоминания оставались, но они больше не пугали ее, как что-то пережитое так давно, что оно уже кажется нереальным. Ей нравилось здесь, мало того, ей хотелось жить в этой комнате.

Спала она в эту ночь необычайно крепко. Тахта была мягкой, и вообще эта комнатка была удобной и тихой. Ей ведь всю жизнь приходилось спать и заниматься в гостиной. Значит, пока будут чинить крышу над ее комнатой, она может пожить и здесь. Поэтому наутро Ада решила перенести сюда не только самое необходимое, но и все свои вещи. Ведь все равно в гостиной потом придется сделать ремонт. Не будет же она каждую ночь, засыпая, видеть над своей головой безобразное пятно?

Она сказала об этом матери, и, хотя денег на ремонт у них все равно не было, обе сделали вид, что готовы начать его завтра же.

Упаковав и вынеся немногочисленную отцовскую одежду,

Ада занялась приведением этой мужской кельи в надлежащий вид.

Решив положить свои конспекты и учебники в отцовский письменный стол (примерно о таком она всегда и мечтала, ведь ей вечно приходилось хранить все это в секретере в гостиной), она обнаружила, что два его нижних ящика закрыты, в то время как остальные пусты и открыты. Она дернула посильнее. Да, тут явно поработал ключ. Только где же он может быть? Она ведь вроде все уже перебрала. Надо будет спросить утром у матери.

Разместив все свои вещи, которые, что удивительно, поместились самым лучшим образом, Ада, усталая, присела в мягкое отцовское кресло и подумала, что, наверное, здесь и вправду приятно сидеть вечерами, перелистывая старые фолианты при мягком свете настольной лампы, в то время как за окном стучит дождь и носится ветер. Какая в этом году неприятная весна...

Девушка протянула руку и взяла еще одну книгу из шкафа. Теперь ей уже не казалось, что она понимает причудливо изогнутые хвостики непонятных букв, но вся эта обстановка и потрепанные страницы книги будили в ее душе что-то сентиментальное. Ей было хорошо здесь. Просто хорошо.

В этот день Ада проторчала в библиотеке до вечера. Почему-то в хранилище никак не могли разыскать книгу, по которой она должна была делать завтрашний доклад. Когда, нако-

нец-то, книгу подняли, Ада обнаружила, что одной ее будет явно недостаточно, чтобы раскрыть тему. А она-то так надеялась получить «автомат» и не сдавать зачет! Пришлось снова рыться в каталоге, подыскивая что-нибудь подходящее, выписывать еще три книги и лихорадочно перелистывать их в поисках хоть каких-то крупиц научной истины.

Когда с раскалывавшейся от науки головой и написанным докладом Ада вышла на улицу, почти стемнело. К счастью, хоть дождя не было. Она решила пройти пешком пару остановок, чтобы немного вытрясти из головы и одежды пыль научных изысканий.

На улице никого не было – уже началось «сериальное время». Но Аде было ни до чего. Опустив голову и по-старушечьи шаркая ногами, она тащилась по улице, нимало не наслаждаясь царящим вокруг серым в прямом и переносном смысле пейзажем.

– Девушка, извините! – раздалось из подъезда старого двухэтажного дома, мимо которого она как раз проходила.

Ада остановилась и попыталась всмотреться в полумрак подворотни.

– Одну минуточку, девушка! Вы не подскажете...

В этот момент что-то мягкое упало Аде прямо на лицо. Она подняла руку, силясь смахнуть это, но в глазах у нее потемнело, и она не могла даже пошевелиться.

Сквозь охватывающую ее сознание темноту девушка все-таки чувствовала, как кто-то поднял ее на руки и запихнул

в автомобиль. Она несколько раз дернулась, пытаясь оттолкнуть чужие руки, но сил не было. Потом Ада задела ногой дверцу и даже еще успела почувствовать мягкость сиденья, на которое бессильно упало ее тело.

Ада медленно открыла глаза. Перед ней была грязная серая стена. По которой тянулись трубы. Под трубами проступали мокрые темные пятна.

Она сидела, прислонившись спиной к другой такой же стене. Теперь-то Ада поняла, как по-настоящему болит голова. Пошевелившись, она услышала под собой треск. Испугавшись упасть, девушка резко вскочила. Голове это не понравилось, и она ответила новым залпом чудовищной боли.

Оказалось, Ада сидела на деревянном ящике, таком старом, что он не мог вынести даже ее птичьего веса. Теперь она стояла и чувствовала, как затекло ее тело, а ноги налились тяжестью.

С трех сторон ее окружали стены-близнецы – грязные, мокрые и с трубами. Впереди было пустое пространство. Но его преграждала крупная металлическая сетка. В сетке было что-то типа калитки, на которой снаружи висел большой амбарный замок.

Было довольно темно, только где-то вверху горела лампа. Это было похоже на заброшенный склад – огромное помещение, заваленное разбитыми ящиками, бутылками и бумагой.

В голове Ады начали прокручиваться тысячи жутких

историй из криминальной хроники вперемешку с самыми страшными сценами из боевиков и сериалов. Ну почему именно она? Есть ведь тысячи таких же девчонок! Почему выбрали именно ее? Ну почему она такая невезучая?

Когда девушка уже была готова дойти до паники, вдалеке возникли две фигуры. Они шли по направлению к ее клетке, и Ада застыла на месте. Вот сейчас она все поймет и узнает. Сейчас. Сейчас.

Как ни странно, но такого уж явного ужаса она почему-то не испытывала. Скорее раздражение. И желание уйти отсюда. Живой.

Фигуры приближались, и она уже могла различить, что это мужчины. Один был явно старше другого, кряжистый и широкоплечий, в кожаной куртке и тяжелых ботинках. Другой очень стройный, худой; шел мелкими легкими шагами, отставая от первого. На нем была маленькая черная шапочка и длинное пальто, которое, видимо, и сковывало его движения.

Они остановились в метре от сетки и стали молча смотреть на Аду. А она смотрела на них. В душе Ада решила, что не будет показывать им страх. Даже если это ей не поможет, она не хочет еще и унижаться перед ними. Да и нельзя сказать, чтобы она так уж боялась.

Ада всмотрелась в того, что шел впереди, и ей показалось, что на его широком лице написана такая ненависть к ней, что она спешно перевела взгляд на второго. В нем, наоборот,

не было ничего угрожающего. Он был молодой, светлокожий и светловолосый – из-под надвинутой на лоб шапки выбивались длинные растрепанные волосы. А светло-голубые глаза смотрели на Аду спокойно и внимательно, и в углах рта в тусклом свете можно было угадать легкую улыбку.

Почему-то девушке пришло в голову, что на настоящих маньяков они не похожи. Как, наверное, не похожи на них и те голливудские звезды, которые гоняются за своими коллегами с картонными топорами.

– Видишь? – негромко сказал тот, что постарше, и было непонятно, к Аде или к своему спутнику он обращается. – Ну что?

– Подожди, – голос у второго был высокий и какой-то особенно мелодичный. Аде пришло в голову, что он должен неплохо петь.

Молодой вплотную подошел к сетке, и пленница заметила, что обладатель грубой обуви сделал предостерегающий жест.

– Здравствуй, – почти ласково сказал человек в шапочке. – Ты себя нормально чувствуешь?

Второй презрительно хмыкнул. Это разозлило Аду, и она не выдержала:

– Почему вы меня заперли? Немедленно выпустите меня отсюда! Что это такое?!

– Видишь? – выразительно повторил мужчина постарше и слегка оттолкнул молодого назад.

– Я буду кричать! – не унималась Ада. – Что вы задумали? Выпустите меня! Выпустите!

В запале она схватилась за сетку и дернула ее на себя. Молодой тут же отскочил, а рука другого тут же оказалась в кармане.

Наученная горьким опытом просмотренных боевиков, Ада отпустила сетку и сказала уже потише:

– Что вам надо?

Она понимала, что все слова и фразы в такой ситуации выглядят глупыми и смешными. Ничего она не может сделать. Она полностью во власти этих людей, чтобы они не задумали.

Опустив голову, пленница села на ящик, который снова затрещал, но ей было все равно. Внезапно она потеряла желание сопротивляться.

– Не знаешь, почему ты здесь? – вдруг спросил мужчина в куртке. – А ты подумай. Вы ведь сообразительные, правда? Голос его звучал издевательски громко.

Ада подняла голову:

– Что это значит? Кто это мы?

– Ну хватит! – мужчина рванул к клетке. – Перестань ломать комедию! Мы все о тебе знаем! Имей совесть не отпираться!

– Все знаете? – такое удивление невозможно было подделать. – А я вот о себе сама не все знаю. Как, должно быть, и вы о себе.

– Видишь? – в третий раз повторил старший своему спутнику. – А ты говорил...

Молодой остановил его плавно поднятой рукой и сам заговорил с Адой:

– Пожалуйста, давай поговорим. Нет смысла отпираться.

– Да о чем это вы? – Ада уже теряла терпение.

– Говори правду! – рявкнул злой в тяжелых ботинках.

– Хотите правду? Да вы явно лажанулись. Взяли не того, вернее, не ту, кто вам нужен. Я бедная студентка, взять с меня нечего и номера счета мафии в швейцарском банке не знаю. А убить меня теперь или нет – вам решать.

Конечно, последнего говорить не стоило, но уж очень она разозлилась.

– Убить? А что, это мысль! – рука злого глубже залезла в карман.

У Ады замерло сердце, но молодой сказал:

– Перестань, Петр! Так мы никогда не поговорим.

– Хотите разговаривать, тогда откройте. Я не зверь, чтобы сидеть в клетке.

Петр хотел что-то сказать, но сдержался. Он достал ключ и снял замок со словами:

– Учти, начнешь вытворять какие-нибудь штучки – сразу, – и в его руке появился пистолет.

Вот тут-то Ада точно почувствовала ужас. Это все серьезно. Очень серьезно. Но она собрала все силы, чтобы не показать им свою слабость.

Молодой открыл дверь и, сопровождаемый настороженным взглядом Петра, вошел внутрь. Сев на соседний ящик, он сказал:

– Ну вот, дверь открыта, как ты и хотела.

– Я еще хочу, чтобы в меня не целились, – твердо сказала Ада.

– Нет, это не пройдет, – Петр помахал оружием в воздухе.

– Никто в тебя не целится, – примирительно сказал молодой. – Просто Петру нравится все, что... издает шум. Но не будем терять время. Пойми, от того, захочешь ли ты с нами разговаривать, зависит твоя судьба. Пожалуйста, будь откровенна, и мы примем правильное решение.

– Да кто вы такие, чтобы решать мою судьбу? – взорвалась Ада и вскочила на ноги.

Пистолет в руках Петра тут же был направлен прямо ей в грудь, но девушка посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Хотите – убейте, но мне не о чем с вами разговаривать. Я не знаю, чего вам от меня надо.

Она услышала щелчок: это Петр взвел курок и произнес:

– Я убью ее сразу, и будь что будет.

Он вытянул руку, Ада инстинктивно зажмурилась, но молодой вдруг бросился вперед и встал перед ней:

– Нет, Петр, нет! Ты не сделаешь этого! Мы еще ничего не решили.

Петр был так разъярен, что его товарищ стал говорить тихо и умиротворяющее:

– Эта девушка даже не знает, кто она такая. Как же мы можем убить ее? За что? Это не по правилам.

– Не знает! Да все она знает! Они умеют так притворяться, что проведут любого! Но не меня! И не думал, что тебя, Павел, – но Петр все-таки опустил оружие.

Павел громко вздохнул и сказал:

– И меня еще никому не удавалось провести. Поэтому я и занимаюсь этим делом.

Но в следующее мгновение Петр снова поднял свой пистолет. Молодой предостерегающе взмахнул рукой, но Ада опередила его:

– Кто это «они»? Кем вы меня считаете? Кто я, по-вашему?

Петр взглянул ей в глаза и неожиданно спокойно сказал:

– Они – это ведьмы. И ты – одна из них.

Ада была так ошарашена, что даже забыла про наведенное на нее оружие:

– Что? Да вы сумасшедшие! Вам лечиться надо! «Ведьмы»!

Павел вдруг повернулся к ней и сказал:

– К несчастью, это правда. Ты – дочь могущественного колдуна, и, значит, сама колдунья. Ваш... дар передается по наследству. После смерти предыдущего носителя.

Ада вздохнула – а она еще надеялась, что один из них нормальный.

– Если ты до сих пор этого не знала, – продолжил Павел, – то в скором времени все тайное и скрываемое стало бы для тебя явным. Не веришь? Хорошо, мы представим тебе доказательства. Ваш род успел оставить по себе долгую память для всех последующих поколений. Ты его последняя представительница. Вспомни: разве твой отец не передал тебе что-то перед самой своей смертью?

При этих словах перед Адой снова предстал снимок той ночи – свечи, треск, шум за окном и умирающий отец, крепко держащий ее за руку.

– Вы говорите ерунду, – сказала она, но голос ее звучал уже не так уверенно. – Может, мой отец и был слегка чокнутым, но уж никак не колдуном. Да и вообще, никаких ведьм и колдунов просто не существует. Это все сказки.

– Вот как? Разве ты сама всю жизнь не испытывала тяги ко всему таинственному – гадания, карты, книги по магии? – мягко спросил Павел.

Тут он попал в точку. Лет с пятнадцати Ада страшно увлеклась всяческой мистикой – она покупала в переходах тоненькие книжки с заманчивыми названиями, с упоением смотрела всяческие ужастики и читала готические романы. Пару раз они с девчонками пытались совершать описываемые в этих книжках ритуалы и вызывать духов, но у них, конечно, ничего не получилось. Но в то время почти все этим увлекались.

– Ты веришь, – констатировал Павел. – Ты знаешь, что

все это есть. И ты тоже принадлежишь к этому миру – таинственному миру магии, чьи искаженные отражения так привлекали тебя в массовой культуре.

– Вы прямо лекцию читаете, – ехидно сказала Ада. Ей было неприятно, что он словно смотрит ей в душу.

– Перед смертью твой отец передал тебе свой дар. Я знаю это потому, что иначе бы он вообще не смог умереть. Мучился бы до тех пор, пока кто-то не забрал бы у него магические способности. Но он должен был передать их только тебе – как наследнице. Так было принято в его роду много столетий. Ты и не догадываешься, насколько глубоко мы проследили вашу историю. Менялись времена, страны, фамилии, но сила всегда переходила от родителей к детям. И это было неизменно до сих пор. Твой отец умер – значит, теперь ты несешь в себе всю силу вашего древнего рода.

Павел сказал бы что-то еще, но Петр остановил его:

– Ты слишком много ей рассказываешь. Хватит.

Павел повернулся к нему:

– Но она должна знать. Иначе мы не сможем быть справедливыми.

Видимо, у Ады было такое лицо, что она больше не вызвала у человека с оружием тревоги. Он спрятал пистолет в карман и сказал Павлу:

– Выйдем. Нам нужно поговорить.

Молодому человеку не хотелось оставлять Аду, но он все же вышел из клетки.

Девушка как будто не заметила этого. Так же она никак не отреагировала и на то, что Петр снова запер ее на замок и они с Павлом ушли, оставив ее одну.

Ада сидела абсолютно неподвижно, глядя прямо перед собой. Почему-то она сразу поверила в то, что все, рассказанное этими людьми – правда. Конечно, это было непонятно, немыслимо... Но не невозможно. Почему-то она твердо знала это.

Но если это возможно, значит... Тогда странное поведение отца при жизни и особенно перед смертью полностью укладывается в начерченную ею схему.

Протянутая сухая рука, черные глаза с зелеными искорками и выкрикнутые зычным голосом слова: «На, возьми, возьми!»... Ада словно снова перенеслась в эту страшную минуту. Что это было, как не ритуал передачи магической силы? Она вспомнила, что читала об этом в народных сказаниях. А если это правда... Не может не быть правдой, слишком много совпадений.

Отец ждал ее – он не мог умереть, не передав кому-нибудь свою колдовскую силу. Почему он вообще так внезапно умер, ни разу в жизни не болев? Врачи сказали им с матерью что-то невразумительное – сердечная недостаточность и тому подобное. Теперь Аде казалось, что отец не просто знал день своей смерти – он как будто сам выбрал его. Она гнала от себя мысли о том, что все эти стуки в окно, горящие си-

ним и зеленым свечи и слышавшиеся ей голоса – не просто плод ее потрясенного воображения. Все это было на самом деле. И все это было слишком необычно.

Ей не хотелось верить словам Павла, но что-то в самой глубине ее души говорило «да». Она чувствовала, что это правда. Если бы не одно «но».

Она не ощущала в себе никакой магической силы, как бы ей этого не хотелось.

Когда мужчины вышли из старого склада на грязный, превращенный местными жителями в свалку пустырь, Петр просто набросился на Павла:

– Что, черт возьми, ты делаешь?

– Не говори так при мне. И вообще никогда не говори.

– Ах да, я забыл, ваше святейшество, – скривился Петр. –

Но это сути не меняет: зачем ты разливаешься перед этой девчонкой? Покончим с ней, и все!

– Мы не можем скрывать правду, даже если бы хотели, – мягко возразил его молодой спутник. – Ты видел: эта девушка ничего не знала. Она не притворялась, поверь мне. Она невинна. Мы не можем вот так просто убить ее. И не будем этого делать.

Петр с возмущением посмотрел на него:

– Невинна? Это до поры до времени. Сначала они все такие. Самое время расправиться с ней, пока она не научилась управлять своей силой. Теперь, когда она все знает, это слу-

чится со дня на день. Если мы упустим время, то снова ничего не сможем сделать. Нам останется только на расстоянии быть свидетелями того, как она будет совершать свои черные дела. Тебе мало ее отца? Скольких наших он убил? А мы ничего не могли сделать. Только смотрели, как он творил мерзости. Ты этого хочешь?

Павел поковырял носком ботинка сырую землю и спокойно посмотрел Петру в глаза:

– Ты как будто жаждешь отыграться на ней за все преступления ее отца. Я понимаю тебя – столько лет наблюдать за своим врагом и быть не в силах остановить его. Но она не совершила ничего плохого.

– Она дочь своего отца! – закричал Петр. – В ее жилах течет кровь сотен черных магов! Завтра она встанет на их путь, а мы опять будем посылать своих людей на смерть!

Павел переждал эту вспышку, ничего не говоря. Когда его оппонент перевел дух, он заговорил снова:

– Вначале ты назвал ее девчонкой. Она действительно просто девчонка. И в жизни не думала ни о каких злодействах.

– Это пока, – перебил его Петр, но был остановлен властным жестом Павла.

– И еще: ты произнес одно слово, которое не должно звучать из наших уст – «расправиться». Мы не палачи, но судьи. Мы не караем за несовершенные преступления.

Петр отвернулся. Он помолчал и, наконец, сказал:

– Я не силен в словопрениях, но, если надо пожертвовать одним, чтобы спасти многих, я сделаю это. И мне все равно, назовут ли меня палачом. Эта женщина опасна. Она таит в себе великое зло. И если ты, не разобравшись как следует, уже готов встать на ее защиту...

– Я лишь защищаю ее от твоего произвола. Все должно быть по правилам. Решение еще не принято, и ты это знаешь.

Петр снова посмотрел Павлу прямо в глаза:

– У нас был шанс решить все сразу. Без лишних проблем и жертв. Ты не захотел этого. Я же не хочу видеть гибель своих людей. Поэтому я вызову сюда триумвира.

– Но это преждевременно, – возразил Павел. – Я еще даже не поговорил с ней.

– Он тоже поговорит с ней.

– Ты сомневаешься в моей беспристрастности? – впервые за время их отнюдь не мирной беседы нахмурился Павел.

– Пока мне не приходилось сомневаться. Тебе хорошо быть добрым. Ты слишком редко видишь зло.

– Я вижу зло вокруг себя каждый день, – с горечью сказал Павел. – И магическое куда реже, чем всякое другое.

Но Петр уже отошел от него. Он достал из кармана куртки мобильник и уже набирал номер.

– Я не только вижу зло, – тихо сказал молодой человек в надвинутой по самые брови черной шапочке, – но и его чувствую. И это моя работа.

Ада так и сидела неподвижно, когда к запертой клетке подошел Павел. Он открыл замок, вынул его из петель и бросил на пол. После этого настежь распахнул дверцу и вошел.

– Что, больше не боитесь меня? – спросила девушка с горькой усмешкой.

Павел не ответил. Он пододвинул к ней пустой ящик, с опаской сел и аккуратно расправил полы своего одеяния на коленях. У него были худые белые кисти рук с острыми косточками и проступающими синими жилками.

– Петр продолжает следить за нами издалека, – наконец сказал он. – Не думай, что это я тебя предостерегаю, просто отвечаю на твой вопрос.

Молодой человек снизу заглянул в лицо Ады и, улыбнувшись, спросил:

– А мне все-таки нужно тебя бояться?

Ада выпрямилась на своем ненадежном сиденье:

– Нет, это мне надо бояться. Неужели вы думаете, что я куплюсь на такую древнюю уловку – игру в плохого и хорошего следователя? Жаль, что вы считаете меня такой душой. Не знаю, что вам от меня нужно, но чувствую, что, как бы мило мы с вами не общались, вы все равно собираетесь меня убить. Какой тогда смысл мне с вами разговаривать?

Павел отвел глаза и стал пристально изучать на полу изрядно истоптанную этикетку с банки из-под соленых помидоров.

– Как ты думаешь, кто мы такие? – спросил он как раз

в тот момент, когда Ада уже решила, что разговор не состоится.

– Вы? Наверное, сумасшедшие фанатики, решившие взвалить на себя миссию по очередному спасению человечества от вселенского зла, разве не так? Те, кто возомнил, что может распоряжаться жизнями других людей. Я права?

– В чем-то да, а в чем-то и нет, – мягко сказал Павел. – Мы действительно хотим немного помочь этому миру. Но мы распоряжаемся, как ты говоришь, жизнями не всех людей, а только тех, кто сам хочет распоряжаться всеми. Мы лишь хотим предотвратить то зло, которое они способны причинить.

– Вот как? Санитары леса? И от кого же вы очищаете общество? От таких, как я? Простых людей?

– Мы не трогаем ПРОСТЫХ людей, – сказал Павел с особым ударением на последних словах. – Мы отслеживаем людей с так называемыми паранормальными способностями и определяем, представляют ли они опасность для окружающих.

– И кто же ваш «контингент»? – с издевкой спросила Ада. – Экстрасенсы и целители, дающие рекламу в газетах?

– Как правило, нет, – мирно ответил Павел, словно не заметив ее тона. – Девяносто процентов из них – обычные шарлатаны, которые угрожают кошелькам наших сограждан, а вовсе не их душам, а это уже не в нашей компетенции. Человек учится на своих ошибках, поэтому некоторым, излиш-

не доверчивым, хотя бы раз в жизни бывает полезно попасть в лапы мошенников. Это их кое-чему учит.

Ада развернулась на своем ящике. Она и не заметила, как эта беседа всерьез увлекла ее:

– Вот и разоблачали бы шарлатанов. Заодно и преступностью занялись бы. А то кто же без вас наведет везде порядок?

Павел ласково улыбнулся. Теперь они сидели друг от друга так близко, что он уже чувствовал запах ее туалетной воды:

– Как ты не понимаешь, что наши силы направлены на борьбу с теми, кто на самом деле опаснее любых, самых ловких и жестоких преступников? Кто вредит тайно и при желании может уничтожить множество невинных людей, не выходя из своего дома? В чье существование не принято верить, что им только на руку? Я должен рассказать тебе о нас, чтобы ты все поняла. Мы преследуем магов, но только тех, кто служит темным силам, тех, кто постоянно вредит людям, потому что одержим желанием богатства, власти, получения высокого места в магической иерархии. Такие колдуны подлежат уничтожению. Но только после настоящего расследования и суда. Судьбу мага решают наши руководители – мудрые и справедливые люди.

Ада была потрясена. Она никогда не думала, что услышит что-нибудь подобное не в мистическом фильме, а в реальной жизни. Хуже всего было то, что теперь и она оказалась в руках этих ненормальных.

– Вы просто инквизиция какая-то, – проговорила она.

Павел опустил голову и сказал:

– Мы на самом деле потомки тех, кто в свое время основал священное судилище.

Увидев в глазах Ады ужас, он поспешно продолжил:

– Все в жизни человечества появляется тогда, когда создаются все условия для его появления. Ты наверняка слышала нечто подобное на лекциях по философии. Инквизиция возникла в те смутные или, как говорят у нас, «темные» времена, когда каждый второй крестьянин в Европе был готов продать душу дьяволу за лишнего быка. Учение церкви людьми не понималось, они лишь формально выполняли ее обряды. Наследники язычников, они не осознавали смысла Священного Писания. Не стоит нам теперь осуждать их – жизнь была трудна, и несчастным хотелось облегчить ее любым путем. Души людей не были полны божественным светом, а значит, образовавшуюся пустоту могло захватить зло.

– И поэтому миллионы людей в западной Европе зверски мучили, пытали и сжигали на кострах?

Лицо Павла словно осветилось отблеском жертвенного огня. Ему, видимо, было трудно говорить об этом, но он продолжал:

– Люди способны извратить любую, самую прекрасную идею. Очень скоро истинная борьба со злом стала для одних нечестных исполнителей миссии способом наживаться на имуществе осужденных, для других – сведением сче-

тов – редко кто упустит возможность оговорить соседа, а для третьих, самых отвратительных – удовлетворения наиболее ужасных, поистине омерзительных плотских потребностей. Но не будем говорить об этом.

– Конечно, не будем, – притворно сочувственно закивала Ада.

Павел перевел дух:

– Но всегда оставались те, кто честно исполнял свой долг. Гражданские чиновники, следившие за соблюдением закона и справедливости. Когда средневековый кошмар несправедливых судов закончился, эти люди продолжали свое дело. Они старались быть справедливыми и милосердными и стали искать самых могущественных черных колдунов и ведьм, чтобы, пусть даже ценой собственной жизни, остановить их злодеяния. Сын всегда продолжал дело отца, и в течение столетий потомки этих храбрых людей расселились по всему миру.

– И теперь вы гоняетесь за беззащитными женщинами, да еще воображаете себя героями? За любым фанатизмом всегда стоят красивые слова о пользе для всего человечества. Многие уже пытались оправдать массовые убийства одних людей тем, что так было лучше для всех остальных, но они заслужили лишь вечный позор и проклятия. Ты тоже этого хочешь?

Павел молчал. Аде даже стало немного его жалко. Она видела, с каким трудом он подбирает слова:

– Мы совершаем доброе дело. Поверь мне. И зря ты нападаешь лично на меня. Я должен защищать тебя. Среди нас меня называют Адвокатом. Я встречаюсь и беседую с теми, кого находят люди Петра, и пытаюсь почувствовать, на темной или светлой стороне они находятся.

Аде стало интересно. Ее отношение к этому человеку изменилось. Нет, чего греха таить, вообще-то она стала симпатизировать ему с первого его слова.

– А как ты можешь это почувствовать? – спросила девушка.

– Я не могу тебе этого сказать, – уклонился от ответа Павел. – Но те, кто выносит решение, прислушиваются к моему мнению. И часто оно перевешивает мнение моего брата Петра.

– Вот как? И какое же у вас братство? Черное, белое, оранжевое?

Павел широко улыбнулся:

– Нет, ты не поняла. Мы не считаем себя братьями, но нас объединяет общее дело. На протяжении многих веков. А Петр – мой, как теперь говорят, биологический брат, у нас общие родители, если проще.

Девушка была поражена:

– Но вы совсем не похожи!

– Все так говорят. Поэтому он выбрал призвание воина и обвинителя, а я – защитника.

Они и не заметили, что их уже довольно давно слушает

невысокий пожилой человек в теплом драповом пальто и мохеровом шарфе на шее. Теперь он вплотную подошел к клетке, в которой они сидели, и громко, чтобы привлечь внимание беседующих, произнес:

– И он прекрасно с этим справляется, можете не беспокоиться.

Павел тут же вскочил и почтительно склонил голову. Ада заметила, что за спиной пришедшего стоит Петр и выражение лица у него отнюдь не такое же благодушное.

– Можно и мне присесть? – спросил мужчина, входя в клетку, и Павел услужливо пододвинул к нему ящик.

– Не развалится? – весело поинтересовался гость, усаживаясь. – Вижу, Павел уже успел прочесть краткую лекцию, но вам, наверное, теперь интересно, кто же это еще пожаловал? Я один из трех Триумвиров – нашего Высшего Совета, если Павел упоминал о нас.

– Триумвиров? – переспросила Ада. – Странное название. Сразу вспоминается Древний Рим.

– Названия для нас совершенно не важны, – добродушно заверил ее мужчина. – Поскольку мы давно не имеем отношения ни к одной из религий, то и наименования у нас чисто светские. Вообще же наша, если хотите, организация, не имеет точного названия – мы не орден, не комиссия и, уж тем более, не группировка. Мы просто люди, выполняющие одно и то же дело.

Он попытался усесться на ящике поудобнее, а Ада выжи-

дающе смотрела на него, как, впрочем, и Петр с Павлом.

– Петр пригласил меня сюда для предварительного знакомства с вами, – продолжил гость, – чтобы я мог составить свое собственное мнение. Я довольно долго слушал ваш разговор и теперь мало что могу добавить. Даже если вы нам и не признаетесь, в глубине души вы все-таки верите, что все, что мы рассказали о вашем отце, правда. Пройдет время, и вы не сможете не признать этого. Ясно мне и то, что вы еще не только не применяли, но и даже ни разу не почувствовали свою силу. Это значит, что наши люди поторопились, привезя вас сюда. К сожалению, печальный опыт общения с вашим отцом вызывает у нас серьезные опасения на ваш счет.

– Я что, действительно так опасна? – Ада знала, что перебивать старших нехорошо, но не смогла удержаться.

Лицо говорившего посерьезнело, но он предпочел не отвечать:

– Думаю, что нам следует серьезно извиниться перед вами и отпустить. Но мы будем вынуждены следить за вами до тех пор, пока не убедимся, что вы никому не угрожаете. Если же...

– Меня снова привезут сюда и устроят судилище? – с вызовом спросила девушка. У нее даже щеки покраснели от злости, а голос едва не срывался.

Триумвир внимательно посмотрел ей в лицо и ответил:

– Не сюда. Мы никогда не бываем в одном месте дважды.

Если вы захотите нас разыскать, у вас ничего не получится.

Он с видимым усилием встал с ящика, который на сей раз закрипел особенно противно:

– Еще раз просим у вас прощения. Вас сейчас же отвезут домой.

– Платон Сергеевич, можно вас на минутку? – резко спросил Петр, не отводя от Ады ненавидящих глаз.

– Да, конечно, – Триумвир на прощание улыбнулся Аде и вышел.

Петр быстро поднял валявшийся на полу замок, мгновенно вставил его в петли и повернул ключ. У Ады перехватило дыхание. Ну, вот и все. Фарс окончен. Сейчас наступит развязка.

– Что вы делаете? – почти закричал Петр, когда они втроем вышли на улицу.

На пустыре совершенно стемнело, и казалось, что во всем районе нет ни одной живой души.

Павел в ужасе зашипел на брата, но триумвир только улыбнулся:

– Не уверен, что должен отчитываться, но из уважения к твоим заслугам, Петр, скажу. Как и говорили мы с Бернардом Григорьевичем, нельзя было брать ее сейчас. Она не опасна. Вы только выдали нас прежде времени.

– Скоро она станет таким же чудовищем, как и ее отец, и тогда мы будем бессильны! – Петр уже кричал. Он ничуть

не боялся привлечь внимание. – Ее тем более нельзя отпускать, раз она теперь все знает! Скоро она научится пользоваться своей силой, и тогда...

– Она все знает из-за вашей ошибки, – резко сказал Платон Сергеевич. – Мы и раньше отпускали их. Пока она не причинила никому вреда, мы не можем трогать ее. Это дискредитирует нас всех и навсегда. Мы и так зря согласились на это знакомство.

Его почти угрожающий жест заставил Петра промолчать, а триумвир повернулся к Павлу и спросил:

– Павел, я уже понял твою точку зрения – она совпадает с моей. А что ты ЧУВСТВУЕШЬ?

Павел опустил глаза, боясь встретиться с направленным на него ожидающим взглядом, и негромко сказал:

– Я еще ничего не успел почувствовать. Но она не совершала зла.

– Видите, видите?! – снова взвился Петр. – На нее даже хлороформ слабо подействовал – быстро оклемалась! В первый раз такое вижу! А как она себя вела? Почти не боялась, хоть и была на волосок от гибели. Немногие из них способны на такое – только самые сильные и наглые!

– Но на это способны и обычные люди, не лишенные мужества, – заметил Платон Сергеевич. И если эта девушка не испугалась, когда ты размахивал перед ней пистолетом, это делает ей честь. А вот тебе – нет.

Пристыженный Петр замолчал. Триумвир сделал паузу

и сказал:

– Выпустите ее и отвезите домой. Павел поедет с вами.

– Вы не доверяете мне?

– Я всегда доверял тебе, Петр. И надеюсь, так будет и впредь, – мягко ответил Платон Сергеевич.

Когда раздраженный Петр скрылся за дверью, Триумвир покачал головой и печально заметил:

– Давно я не видел его таким.

– Вы ведь понимаете, что для него значит это дело, – примирительно сказал Павел. – Все его друзья погибли, пытаюсь нейтрализовать ее отца – Дитриуса.

– Но ведь столько лет прошло...

– Для него сейчас все ожило вновь. Вы знаете, он честный человек, просто...

– Я знаю, – перебил Платон Сергеевич. – И в его словах есть истина. Я сам мучаюсь вопросом: не совершаем ли мы очередную ошибку. Что, если он прав?

Зрачки Павла расширились, он даже слегка отшатнулся:

– Но... мы не можем...

– Ты повторяешь мои слова, – успокоил его триумвир. – Я рад, что наши принципы укоренились в твоём сознании так же глубоко, как и в моем. Ваш с Петром отец был славным бойцом, но я горжусь, что воспитал тебя достойным Адвокатом.

– Я тоже горжусь, что вы сравниваете меня с собой, – про-

сто ответил Павел.

Услышав, что кто-то идет, Ада встала и гордо выпрямилась: если пришел ее час, она не даст этим извергам торжествовать над ней еще и моральную победу.

К ее удивлению, подошедший Петр молча отпер замок и коротко бросил ей:

– Идем.

Она вышла. Мужчина пропустил ее вперед и пошел сзади, на расстоянии трех шагов.

Ноги едва слушались девушку. Ей казалось, что ее ведут на расстрел. Поэтому она резко остановилась на месте, когда Петр сказал:

– Сейчас ты поедешь домой. Но не радуйся. Мы, и я лично, будем следить за тобой. Не надейся, что про тебя забудут. Чуть что – мы снова тебя поймаем, и не надейся, что опять выкрутишься.

Ада развернулась, и они оказались лицом к лицу, их дыхания едва не смешивались.

– Что «чуть что»? – громко спросила девушка. Ей надоели эти угрозы.

Петр только злобно посмотрел на нее. Он был похож на медведя на цепи, который не может никак дотянуться до спящей мимо него потенциальной добычи.

– Думаю, ты не такая дура, чтобы побежать в полицию, – сквозь зубы процедил он. – Хотя можешь бежать – все равно

тебе никто не поверит. Все твои рассказы посчитают бредом чокнутой девчонки. Особенно если будешь говорить правду. Да и в этом месте мы больше никогда не появимся. Как следует запомни номер машины – мы как раз собираемся избавиться от нее после того, как доставим ваше злодейство домой.

Ада не нашла, что ответить. Она повернулась и пошла к выходу.

Триумвир уже уехал. На пустыре стоял только один автомобиль – ужасно старая иномарка, на которой ее, видимо, и привезли сюда. Она поняла это по той же продавленной мягкости сиденья.

Петр сел за руль, а Павел уже сидел впереди. За всю дорогу никто из них не произнес ни слова. Ада все время напряженно смотрела в окно: не везут ли ее к ближайшему парку или свалке, чтобы там все-таки пристрелить и бросить? Но машина скоро выехала на оживленные улицы: они на самом деле ехали к ее дому.

Ада решила не рисковать и не пыталась привлечь внимание прохожих или выскочить из автомобиля. Что-то говорило ей, что на этот раз пронесло, и она вскоре окажется дома.

Так и вышло. Петр без всякой опаски остановился недалеко от жилища Ады и сказал лишь одно слово:

– Иди.

Она вылезла из машины, захватив свою сумку, валяв-

шуюся в салоне, и пошла, не оглядываясь. Сделав десять шагов, девушка услышала, что машина отъехала. Больше не сдерживаясь, Ада побежала вперед, со страшным грохотом хлопнула дверью подъезда и, не дожидаясь лифта, едва не сбив с ног вынимающего из ящика почту соседа, бросилась по лестнице вверх.

После того, как она полчаса простояла под обжигающе-горячим душем, стараясь не думать ни о чем и раствориться в плещущих звуках воды, Ада вошла в гостиную, раньше служившую ей спальней, и бессильно опустилась на старый диван. Мать сегодня опять была в ночной или отправилась к своему приятелю, – она что-то говорила вчера утром, но дочь ничего не помнила. Во всяком случае, сегодня ее не будет, и Ада чувствовала облегчение. Странно, но после всего пережитого она совсем не боялась оставаться одна. Наоборот, ей не хотелось, чтобы кто-нибудь видел ее сейчас.

После пяти минут в тишине ей стало холодно и неудобно. Комната, в которой она обитала с рождения, теперь казалась ей чужой. Ее тянуло в новую спальню – комнату отца. Только сейчас Ада задумалась о том, почему так быстро переехала туда. Наверное, ей должно быть не по себе там, где совсем недавно умер человек, но ничего подобного она не ощущала.

Девушка подумала, что как будто стремится побыстрее занять место своего отца. Он – могущественный, да еще и злой колдун? Когда Ада бежала по лестнице, то думала,

что дома все покажется ей бредом, и она будет только радоваться своему невысказанному спасению. Но теперь Ада совсем не сомневалась, что ей сказали правду. Она поняла это, но еще не приняла. Ей нужно смириться. Так или иначе. А радость... Почему ее нет? Может быть, потому, что она ни от чего не спаслась?

Резким рывком встав с дивана, девушка бросилась в свою новую комнату. Подойдя к письменному столу, она изо всех сил дернула ручку сначала одного закрытого ящика, потом другого. Конечно, они и не подумали открыться. В каком-то испуге она начала перевертывать свои только что сложенные вещи в поисках ключа. Ничего не найдя, Ада стала шарить по всей квартире. Перебрала все ящики в стенке, просмотрела все банки на кухне, заглянула даже в бачок унитаза. Ключа нигде не было.

Усталая и растрепанная, Ада присела на табуретку и отдышалась. Отсюда открывался прекрасный вид на раскуроченную квартиру. Что это на нее нашло? Может, в этих ящиках какая-нибудь ерунда типа презервативов? Одноклассница как-то рассказывала, что ее родители хранят их закрытыми на ключ. Хотя, если бы они лучше знали свою дочь, им стоило бы класть их ей в школьную сумку.

Ада улыбнулась. Наконец-то она пришла в себя. И вспомнила, что уже глубокая ночь, а у нее завтра доклад. Но сейчас это уже не казалось ей таким важным.

Ее взгляд упал на брошенную прямо на пол куртку. Когда

она прибежала домой, то повесила ее мимо крючка. И тут ей в голову пришла гениальная мысль. Она поняла, где точно может быть ключ.

Отцовские вещи были на удивление чистыми и даже неплохо пахли – чем-то пряным и необычным. Правда, он почти не носил ничего из этого.

Аде было немного неприятно шарить по карманам, пусть даже эти вещи теперь никому и не принадлежат. Наконец в кургузом коричневом пиджаке моды 70-х годов ее пальцы нащупали холодный металл.

Достав ключ, она не стала складывать вещи обратно, а прямым ходом отправилась в комнату отца. На столе валялись перерытые ею конспекты и учебники. Надо точно вспомнить, какие завтра предметы, и выбрать из этой кучи жизненно необходимое.

С чувством совсем не радостного ожидания она повернула ключ в третьем сверху ящике. Он был почти пуст. Но в нем все же лежала одна единственная вещь – небольшой сверток из черной ткани. Ада развернула его. Внутри оказалась какая-то странная, видимо, самодельная конструкция – выпуклое стекло, наверное, от старых часов, стоящее на низких изогнутых черных ножках.

Ада осторожно, почти с опаской вынула предмет и повертела в руках. Интересно, что это такое? Луч света попал на стекло, и по стене запрыгал веселый солнечный зайчик.

Изнутри оно было покрыто амальгамой, такой старой и облупившейся, что под ней там и сям проглядывала черная краска.

Ада еще раз пустила солнечный зайчик и вдруг почувствовала разочарование. Ей захотелось посмеяться над самой собой: а чего, собственно, она ожидала? Что хотела найти?

Девушка небрежно поставила устройство обратно. На столе все еще лежала черная тряпка. Ада взяла ее, чтобы тоже засунуть обратно в ящик и только тут заметила, что на плотной материи вышит большой белый треугольник. Она с безразличием бросила ткань на место и зачем-то снова повернула в замке ключ.

Потом вставила его в нижний ящик. Он не поддавался. Сколько она ни нажимала, как не вертела – ничего не получалось. По сути это было бессмысленно, ведь она сразу же поняла, что ключ сюда не подходит, но все же надеялась, что ей повезет. Правда, глупо...

Сколько же ей еще убирать! После всех сегодняшних потрясений это казалось ей самым ужасным. Ладно, матери завтра днем точно не будет, так что она успеет распахать все по углам. А сейчас ей пора спать. Она жутко устала. К тому же завтра доклад.

Все последующие дни Ада старалась не думать обо всем происшедшем. Однако, вопреки тому, что пишут в таких си-

туациях в романах, все это не «казалось ей сном». Это было так реально, словно случилось пять минут назад. При желании она могла повторить каждое сказанное ей слово, вызвать в памяти любой направленный на нее взгляд. И это не уходило, как бы она ни старалась.

Первую пару дней она все время оглядывалась в надежде заметить слезку, но всякий раз ее взгляд натыкался на равнодушные лица прохожих, которые сами тут же начинали с подозрением ее рассматривать. Скоро она убедилась, что все равно не сможет ничего заметить. Новые охотники на ведьм, как она про себя называла похитивших ее людей, видимо, хорошо умели проворачивать свои темные дела, и светиться вовсе не входило в их намерения.

Мысль о том, что кто-то постоянно наблюдает за ней, делало ее существование беспокойным и безрадостным. Правда, несколько раз ей приходило в голову, что произошедшее было всего лишь жестоким розыгрышем, который уже закончился. Ну, собралась компания сумасшедших, которые схватили первую попавшуюся девчонку и стали ей вешать лапшу на уши, чтобы напугать. А она возьми да и поверь, как полная дура. То, что Ада не могла заметить вокруг себя ничего, чтобы не вписывалось в ее обычную жизнь со времени смерти отца, постепенно укрепило бы ее в мысли о страшной шутке, если бы не какая-то непостижимая внутренняя уверенность в том, что все это правда.

В тот день она и еще несколько ребят из ее группы вме-

сте шли в библиотеку после последней лекции. На улице, пожалуй, впервые за всю весну радостно светило вырвавшееся из плена сизых туч солнце, и настроение у всех было соответствующее.

Ловко перебрасывая друг другу, в общем-то, бессмысленные остроты, они бодро приближались к испещренному трещинами и грязными подтеками, но все еще величественному зданию книжного храма. Оставалось только перейти сотрясаемую потоком автомобилей широкую мостовую. Светофора на ней не было, и студенты полагались только на быстроту собственной реакции. Им удалось без проблем пересечь половину дороги, но появившиеся из-за поворота машины заставили их надолго застрять на двойной полосе. Рядом также остановились два пацана-третьеклассника. Как большинство школьников после уроков, они были похожи на двух молодых глупых кокер-спаниелей, выпущенных на улицу из тесной квартиры. Мальчишки все время толкали друг друга, дергали за куртки, замахивались и отскакивали. Когда один грозно стал раскручивать над головой кулек со сменкой, второй со смехом побежал вперед. Расстояние до ближайшей машины, действительно, еще можно было преодолеть бегом, но стоявшие на разделительной полосе студенты предпочли не рисковать.

Ада посмотрела направо и увидела, как неторопливо едущую белую «девятку», перед которой перебежал мальчик, лихо обогнала блестящая синяя иномарка. Водитель явно спе-

шил, если так разогнался в городе. Всего за секунду он оказался в нескольких метрах от школьника.

– Сашка-а-а-а! – пронзительно заорал его друг.

Мальчик повернулся и понял, что уже не успеет перебежать улицу. Ада увидела, как округлились его глаза и рот открылся в крике. Сама не понимая, что делает, она вдруг прыгнула перед мчащейся машиной и выставила вперед правую руку, словно хотела так ее остановить. Краем глаза она увидела, как замерли ее друзья, а водитель, уже успевший нажать на тормоз, бросил руль.

И в этот момент его мощная иномарка, подлетев к Аде и мальчику на расстояние метра, дернулась и откатилась назад, как будто ударилась обо что-то носом. Девушка увидела, как сидевший в машине водитель стукнулся грудью об руль.

Застывший на месте школьник пришел в себя первым и рванул на тротуар. Ехавшая следом «девятка» тоже затормозила. Из нее торопливо вылез пожилой водитель и теперь рассеянно смотрел, не зная, что делать – все ведь были целы.

Два парня из группы кинулись к Аде и буквально втащили ее на полосу.

Водитель иномарки потерял управление и медленно покатился вперед.

– Дура, жить надоело? – прохрипела в окно его небритая физиономия, когда автомобиль поравнялся с пешеходами.

После этого иномарка набрала скорость, правда, уже вполне приемлемую, и скрылась из виду. Видимо, никакие

разбирательства, тем более с участием карающих органов, в жизненную концепцию ее владельца никак не входили.

Владелец «девятки» только покачал головой и сел в машину, а друзья стали наперебой успокаивать Аду, хотя нельзя было сказать, что она сильно испугалась. Все произошло так быстро (всего каких-нибудь несколько секунд), что никто не успел понять, что произошло – ни однокурсники, ни водитель злополучной иномарки, ни двое хулиганистых ребят, один из которых, притихший и испуганный, так и стоял на полосе, выжидая, когда машин на дороге не будет совсем. Люди, как всегда, списали все на везение.

– Зачем ты выскочила, ну зачем? Ведь такое могло случиться... Слава богу, что тот придурок успел затормозить, – не унимались друзья.

А Ада только качала головой – в душе ей было приятно, что теперь они уважают ее еще больше – она чувствовала это. Ведь никто из них не попытался что-нибудь сделать, а она, пусть и по-глупому, но попыталась. А геройство, пусть даже и глупое, у нас всегда в почете. Или своим теперешним беспокойством они прикрывали стыд за собственное бездействие?

Как бы там ни было, но Ада думала не об этом. В тот момент, когда разогнавшаяся иномарка вполне могла сделать из нее новое дорожное покрытие, что заставило ее выскочить на мостовую? Зачем она подняла руку, словно стремилась удержать несущуюся вперед тонну металла? А главное,

в тот момент она единственная почувствовала что-то странное: как машина наткнулась на невидимую преграду и откатилась назад. И что этой преградой стала сама Ада. Но разве это возможно?

Быстро простившись с ребятами, она сказала, что пойдет домой. Упрямо отклонив их предложения проводить ее, Ада развернулась, посмотрела по сторонам, перешла мостовую и пошла обратно.

Нет, она вполне могла бы преспокойно направиться в библиотеку, но еще несколько часов находиться под пристальным вниманием одноклассников, слышать их тайно осуждающие шепотки за спиной и ловить переживающие взгляды было выше ее сил. Ада не хотела чувствовать себя неловко, поэтому и отправилась домой. Теперь ей есть чем заняться: снова и снова она будет перематывать в своей голове новую ленту полученных впечатлений. Ну что ж, это даже неплохо, если она сможет реже вспоминать смерть отца.

Когда девушка уже была в квартале от места несостоявшегося дорожного происшествия, в кармане Платона Сергеевича зазвонил телефон:

– Она воспользовалась своей силой, – сказал голос, не представляясь. – На благо. Спасла от верной смерти ребенка. Вы не ошиблись.

Триумвир ничего не ответил. Сидевший напротив него Петр так и вцепился в него взглядом:

– Что? Она применила силу, да? Я же говорил!

Пожилой человек поджал губы и сухо сказал:

– Она спасла ребенка. Ее сила послужила добру.

К его разочарованию, эта информация не только не успокоила, но еще больше разъярила Петра:

– Добру? Как она может служить добру?! Оставляя ее в живых, вы теряете время. Что, если, осознав свое могущество, она начнет выбирать – кого спасти, а кого наказывать? Миловать или карать? Это будет в миллион раз хуже, чем если бы она совершала только зло! Как вы не понимаете!

Платон Сергеевич медленно спрятал телефон обратно в карман пиджака.

– А разве мы поступаем по-другому? – медленно спросил он, только вопрос этот относился совсем не к Петру. – Выбираем, кого миловать, а кого карать?

Петр на секунду опустил голову, но тут же снова устремил взгляд на шефа:

– Это другое.

Этим вечером Аде было как-то беспокойно. Надо было все-таки подготовиться к завтрашней практической, хотя бы по лекциям и учебникам. Конечно, этого будет слишком мало, но если сидеть тихо и не высовываться, то может и пронести.

Нехотя она отправилась в свою комнату. Села за отцовский письменный стол, включила настольную лампу и решила достать учебники. Случайно Ада потянула за ручку

не второго, как собиралась, а третьего ящика. Он легко выдвинулся вперед. Разве она снова не заперла его на ключ, когда нашла здесь черный сверток? Девушка ясно помнила, что повернула ключ в замке, а потом попыталась открыть четвертый ящик. Вот, он так и торчит в скважине. Хотя, наверное, она была так взбудоражена в тот сумасшедший вечер, что просто повернула ключ вхолостую и даже не заметила этого, вот и все. Стоит ли забивать свои мозги ерундой, когда сегодня они должны быть под завязку забиты знаниями?

Ада достала конспекты и книги и попыталась понять, что в них было написано. Но то ли сегодняшнее происшествие никак не давало ей успокоиться, то ли наступившая наконец весна, но ни одно слово из научных трудов так и не смогло просочиться в ее сознание. В десятый раз перечитывая один и тот же абзац и честно пытаюсь понять его смысл, она почувствовала, как ей в шею подул легкий ветерок. Ада заколола волосы в пучок, чтобы не падали на лицо, и теперь оголенная шея быстро покрылась пупырышками, а девушка просто ненавидела это мерзкое ощущение.

Инстинктивно повернув голову, одним глазом она заметила какое-то движение справа от себя. Как будто легкая дымка тянулась из-за ширмы.

Теперь уже развернувшись всем телом, Ада смотрела на старую поблекшую ткань громоздкого сооружения во все глаза. И ей снова оказалось, что из-за нее медленно выплывает что-то прозрачно-серое.

В этот момент за окном раздался громкий щелчок, Ада резко оглянулась, а когда снова посмотрела на ширму, увидела то, что ожидала меньше всего.

У стены стояла женщина. Ее было прекрасно видно с ног до головы, хотя в первое мгновение она показалась Аде какой-то ненастоящей, двухмерной, как изображение в телевизоре. Правда, довольно четкое изображение. И цветное.

У нее были необыкновенно светлые руки и лицо, которое красиво оттеняли темные пышные волосы. Казалось, что от ее ресниц на щеки падает тень, такими неправдоподобно длинными они были. А губы, спокойно и гордо сжатые, придавали ее строгому лицу шаблонно-аристократическое выражение.

Она была одета в длинное бордовое платье явно несовременного фасона, шелковая ткань которого игриво бликовала в желтом свете настольной лампы. Смелое декольте и широкие раструбы узких рукавов декорировало изящное кружево, словно слегка пожелтевшее от времени. Такое теперь можно было увидеть разве что на старинных картинах да в исторических фильмах.

Когда к Аде, как принято говорить, вернулся дар речи, она с трудом произнесла:

– Кто вы? Что вы тут делаете?

В ее голове тут же прокрутились тысячи историй о квартирных ограблениях. Неужели на нее обрушится еще и такая напасть?

Но в женщине, казалось, не было ничего особенно угрожающего. Во всяком случае, пока.

– Я пришла к тебе, – проговорила она приятным мягким голосом.

Глаза Ады высматривали в открытую дверь ее сообщников с утыгами.

– Я пришла не оттуда, – с улыбкой произнесла незнакомка, поймав ее взгляд. – И я одна. Тебе не надо меня опасаться.

В голове Ады все перемешалось. Да что же это творится! С ума ее хотят свести, что ли?

– Я понимаю, – неожиданно для самой себя сказала она. – Вы из... этих...

– Не знаю точно, кого именно ты имеешь в виду, но я сама по себе. Знаешь, – красотка с сомнением покачала головой, и пряди ее волос так плавно качнулись, словно были невесомыми, – я столько думала о нашем с тобой разговоре, но увидела тебя и теперь не знаю, что мне сказать. Но ладно. Сегодня ты впервые применила свою силу.

Ада резко вскочила со стула и выставила вперед руку:

– Не смейте! – гневно закричала она. – Я буду защищаться! Я не дам вам убить себя!

На лице гостьи отразилось удивление, тут же сменившееся явным восхищением:

– Я не причиню тебе зла, – так же мягко сказала она. – И, как я вижу, скоро и никто не сможет причинить. Ты ведьма,

причем самая могущественная ведьма из всех живших и живущих на этой земле. Ты уже получила веками преумножаемую твоими предками магическую силу, и эта сила защитит тебя надежнее всех армий мира. Тебе никого не нужно бояться, но, пока ты не окрепла, будь осторожна. Я знаю, что есть враги, желающие повредить тебе. Но я помогу, и ты станешь неуязвима.

Ада слушала эту речь со все прибывающим изумлением.

– Еще одна сумасшедшая, – устало констатировала она вслух. – Это что, заразно? Но в любом случае, убирайтесь отсюда, пока я не позвонила в полицию.

Незнакомка ничуть не обиделась:

– Ты делаешь вид, что все еще не веришь в свою силу? – спросила она. – Зачем? Ведь я знаю, что это не так. В глубине души ты всегда чувствовала ее, ощущала, что придет твой час. И теперь он близится. Не обманывай меня, ибо это ниже достоинства настоящей ведьмы.

– Никакой силы нет, – упрямо сказала Ада. – Убирайтесь отсюда.

– Вот как, нет? – женщина не скрывала иронии. – Просто посмотри на себя.

Ада машинально взглянула в висящее на стене зеркало и поняла, что она все еще стоит с выставленной вперед рукой. В синеватом зеркальном мире ей вдруг показалось, что вокруг нее висит облачко какого-то легкого призрачного сияния. Она резко опустила руку, и все тут же исчезло. В зер-

кале по-прежнему стояла она, только... Ведь с того места, где была незнакомка, в зеркале должно было быть видно и ее отражение. Но где же оно?

Округлившимися глазами Ада вновь посмотрела на нее. Женщина согласно закивала и засмеялась:

– Да, да, все верно.

Ада еще несколько раз переводила взгляд с зеркала на незваную гостью, а та, весело улыбаясь, говорила:

– Мне тоже иногда хочется поправить прическу, но ничего не поделаешь. Хорошо, что у меня есть другие средства увидеть себя.

– Ч-что вы от меня хотите? К-кто вы? – сдавленно спросила Ада.

Женщина сразу посерьезнела, и ее шелковое платье заколыхалось как бы само по себе, отдельно от тела:

– Я пришла к тебе, потому что не могла не прийти. Ты – мое продолжение, мой потомок.

– Я вам не верю, – проговорила Ада с вызовом, уже окрепшим голосом. Она все еще на что-то надеялась.

– Ну что ты, посмотри, – незнакомка махнула в сторону зеркала, – как мы похожи.

– Вы мне льстите.

– Это ты еще не можешь оценить всех своих достоинств. Совсем как я когда-то. Но это придет со временем.

Ада почему-то отметила про себя, что за все время их

разговора посетительница не сделала ни малейшей попытки сойти с места или присесть. Хотя, что за глупость, как ОНА может присесть? Правда, это создание выглядит совсем реальным, если не считать того, что при вполне нормальном телосложении гостя кажется совсем уж невесомой.

– С меня и моей сестры начался наш колдовской род, – сказала женщина, и лицо ее снова стало строгим и аскетичным. – Мы первые приняли силу. Все последовавшие за нами преумножали и развивали ее, пока твой отец не сделал ее практически совершенной и безграничной. Я явилась, чтобы помочь тебе овладеть ею.

– Я не хочу, – резко сказала Ада и посмотрела ей прямо в лицо. – Если, как вы говорите, что-то и есть, мне это не нужно. Я обычная девчонка и хочу такой и оставаться, пока не постарею. Затем собираюсь, миновав все последующие стадии, стать обычной бабушкой и такой и помереть. Все, я не нуждаюсь в ваших услугах.

При этих словах девушке на мгновение показалось, что лицо женщины как-то потемнело изнутри. Но только на мгновение, после которого оно вновь сияло своей безупречной красотой.

– Ты необычная и никогда не сможешь быть обычной. Поверь мне. Я тоже уверяла всех, что я самая обыкновенная, пока мое тело не начало тлеть на костре, – при этих словах гостыя Ада уже четко увидела, как почернело ее лицо. – Хуже всего было то, что я действительно верила в это. Но ты

не повторишь моих ошибок.

Внезапно по всей ее фигуре пробежала как бы легкая дрожь. Зрачки и без того темных глаз расширились, и гостья тревожно оглянулась по сторонам.

– Мне пора, – быстро сказала она, и ее голос стал глухим и каким-то отдаленным. – Я помогу тебе. Твоя сила – великий дар, от которого ты не сможешь отказаться. Когда захочешь снова поговорить со мной, позови Эльзу.

Последние слова она сказала, когда ее фигура буквально всплыла за стоящую у стены ширму.

Ада несколько минут простояла неподвижно, пока не почувствовала, как затекли ноги. Все время этой долгой беседы она не двигалась с места, и теперь напряженные мышцы требовали отдыха. Пересилив себя, девушка сделала несколько шагов. За старой линиялой ширмой, как она и думала, никого не оказалось – только стена.

Снова остановившись в оцепенении, Ада думала только об одном: что невесомая Эльза сказала не «если захочешь поговорить», а «когда». Откуда у нее такая уверенность? Или Аде все-таки придется признать и принять невероятную правду?

Ада вдруг почувствовала дикую усталость. Хватит с нее на сегодня. Черт с ней, с практической, она больше не может. У нее нет сил не то что принять душ, но даже раздеться.

Поборов желание сразу же свалиться в кровать, она кое-

как побросала одежду на стул, доплелась до постели и буквально упала в сон еще до того, как ее голова коснулась подушки.

Этот сон был глубоким и совершенно черным, как будто смотришь в навсегда выключенный монитор. Словно это был и не сон совсем.

Резко открыв глаза, она увидела, как напротив ее кровати, возле ширмы, пространство наполняется чем-то голубовато-мерцающим. И это ей совсем не снится.

Замерев под шерстяным одеялом, внезапно сделавшимся тяжелым, как свинцовая плита, Ада видела, что сквозь сияние медленно проступает фигура. Кажется, женская. Неужели вернулась вечерняя посетительница?

Когда контуры фигуры прояснились, девушка увидела, что в ее комнате появилась новая гостья – чем-то неуловимо похожая и в то же время кардинально непохожая на свою предшественницу. Под тихо подрагивающими в воздухе хлопьями света проступало темно-синее одеяние, больше похожее на плотно запахнутый плащ, чем на платье. До того светлые, что казались седыми, волосы покрывали плечи женщины и спускались до самого пояса. Лицо тоже было светлым и немного расплывчатым в ореоле непрекращающегося сияния.

– Ты не должна ей верить! – внезапно раздалось в воздухе. Ада даже подпрыгнула под своим одеялом.

– Ч-что? – невнятно проговорила она.

Ореол вокруг женской фигуры резко сократился. Теперь она почти походила на живого человека.

– Моя сестра уже была здесь? – ответила она вопросом. – У меня мало времени, поэтому скажу сразу – она тебе не друг. Посланница темных сил, она пришла к тебе, чтобы подтолкнуть к краю пропасти, в которой пропали большинство твоих предков. Не перебивай! – подняла она руку, и в воздухе растаяла пара голубых искорок. – Прошу, не слушай ее! Иначе и тебя тоже поглотит пучина зла!

Оцепенение Ады вдруг прошло. Она села на постели и, усмехнувшись, произнесла:

– Не знаю, кто вы, но вместо ваших патетических и шаблонных речей я предпочитаю поспать. Для посещений, да еще и без приглашения, сейчас неподходящее время.

Бело-синяя дама застыла на месте, а потом вдруг улыбнулась, и Аде вдруг показалось, что в комнате стало очень тепло.

– Прости меня, – сказала мерцающая гостья, – я ворвалась как шальная и сразу набросилась на тебя. Но это потому, что мне было трудно попасть сюда, а я не могла не прийти в такой момент. Сейчас у меня остается мало времени, но все оно твое. И разве моя сестра не говорила обо мне?

Последний вопрос прозвучал так просто и по-человечески, что Ада окончательно проснулась и пришла в себя:

– Если вы имеете в виду ту призрачную даму, которая морочила мне голову весь вечер, то она говорила что-то о на-

шем общем родстве. Правда, весьма-а-а отдаленном.

Блондинка снова улыбнулась, на сей раз очень печально:

– Мы заслужили твое недоверие. Ведь именно мы предопределили жизнь всего нашего рода на протяжении столетий. И если ты тоже возненавидишь меня так, как она, то я, наверное, не вынесу этой последней боли.

Искорки вокруг нее побледнели, как и ее лицо. Аде вдруг стало ее жалко. В этой неземной фигуре и высоком звонком голосе было что-то по-человечески трогательное, искреннее.

– А почему вы думаете, что ваша сестра вас ненавидит? – спросила она с настоящим интересом.

Сияние вокруг гостыи в один миг исчезло. Теперь она просто стояла на полу, и длинный шлейф ее синего плаща полукругом лежал у ног.

– Из-за меня ее сожгли, – сказала она неожиданно глухо и тихо. – И, хотя наши костры горели рядом и одинаково жарко, с тех пор мы противостояем друг другу, как день и ночь.

– Но кто ВЫ?

– Меня зовут Марта, – гостыя опять растянула бледные губы в улыбке и даже изобразила нечто вроде старинного реверанса. – Так звали меня при жизни. Но я оставила себе это имя навсегда, чтобы никогда не забывать, что я была человеком. И пусть и не на земле, но я всегда рядом с моими потомками.

Она пристально посмотрела Аде в глаза:

– Пока они не перейдут на темную сторону. Тогда с ними остается Эльза. Послушай, я не умею красиво говорить – что требовать от бедной знахарки...

Аде почему-то стало неловко, и она задала вопрос:

– Вы сказали, что не могли не прийти сюда в такой момент...

– Это день, когда ты впервые применила свою великую силу. И применила во благо, – в голосе гостьи послышалось нескрываемое торжество.

– Ваша сестра говорила мне...

Но Марта не дала ей закончить:

– Она будет склонять тебя пользоваться своей силой во зло. Не поддавайся ее уговорам. На самом деле ты не должна...

– Если все твердят мне, что я плохая, мне остается только поверить в это, – небрежно заметила девушка. – Хотя Эльза ничего такого вроде и не говорила.

– Она все еще скажет тебе. И я не смогу ей помешать. Но я буду бороться за тебя. Много веков я противостояю ей и не отступлю и на этот раз.

– Но судя по всему, вы всегда проигрывали, – жестоко сказала Ада и тут же пожалела об этом: вся фигура Марты так посветлела, словно ее изнутри разрывал обжигающий свет.

После долгой, томительно беззвучной паузы Марта заговорила:

– Несколько веков назад по всей Европе люди решили,

что они могут осуществлять небесный суд уже здесь, на земле, и карать не только человеческие тела за преступления, но и их души за грехи. Прирожденные палачи и мучители надолго обеспечили себя работой. Когда многие земли оглашались стонами и криками истязаемых, в нашем маленьком городке все было спокойно и тихо. Пока к нам не прибыл Франц Бирман, назначенный архиепископом на должность искателя ведьм. Теперь я знаю, что он заранее задумал обвинить самых зажиточных граждан в связях с дьяволом, чтобы конфисковать и присвоить их имущество. Ему нужно было лишь найти повод, для того чтобы запустить машину инквизиции. Наша семья была добропорядочной и богобоязненной. Моя сестра Эльза по праву считалась первой городской красавицей. Многие молодые люди из хороших семейств добивались ее руки, но сердце Эльзы было свободно. Я же с детства чувствовала потребность помогать людям. Несмотря на то, что мы были богаты, и девушке моего ранга не пристало возиться с бедняками, я собирала травы и корни, изучала книги по медицине и лечила больных и убогих. Местная знахарка, мудрая старуха, передала мне свои знания. К счастью, мой добрый отец не препятствовал моему призванию. Он тоже всегда помогал беднякам. Когда в город приехал посланец инквизиции, мы не придали этому большого значения. Ведь все мы считали себя верными христианами и думали, что нам не в чем упрекнуть себя перед Богом и людьми. Но Бирман увидел мою сестру и вспылал

к ней желанием, что и высказал, крайне грубо и оскорбительно. Гордая Эльза с возмущением отвергла его. В тот же день за нами пришли, и уже вечером мы оказались на допросе. Конечно, меня легко было заподозрить в колдовстве – тогда такая участь постигла почти всех целителей, несмотря на все творимое ими добро. Эльзу тоже обвинили в пособничестве дьяволу – было принято вместе брать мать и дочь, госпожу и служанку, сестру и сестру. Пропущу описание этого «следствия» – скажу лишь, что на многих допросах Бирман присутствовал лично. Наша судьба была предрешена с самого начала. К счастью, все это длилось недолго – инквизиторы стремились повернуть все быстро, пока ошеломленные горожане не разобрались, что к чему. Когда настал последний день, и нас в грязной телеге отвезли на городскую площадь, мы поняли, что искатель ведьм поработал неплохо: там стояли двенадцать столбов, и перед каждым из них на стертых камнях был разложен сухой хворост. Привезли других осужденных, и мы с Эльзой увидели, что вместе с нами суждено было умереть еще десяти горожанам – среди них были зажиточные ремесленники, купцы и даже дворяне – мужчины, женщины и девочка одиннадцати лет. Ее казнили вместе с матерью, потому что она бы осталась единственной наследницей большого состояния, и тогда бы Франц Бирман не достиг своей цели. Всех нас обвиняли в колдовстве, наведении порчи, полетах на шабаш и сношениях с дьяволом. Некоторых отпустили, когда они оговорили своих друзей и сосе-

дей, как и нас. А других все же казнили, несмотря на все их стремление сотрудничать со следствием. Без ложного тщеславия скажу, что ни я, ни Эльза не произнесли ни слова, которое могло бы погубить других людей, хоть иногда мне казалось, что это выше наших сил. Наверное, вера и надежда на грядущую справедливость помогали мне. Думаю, Эльза тоже проявляла всю прочность своего духа потому, что сердце ее было свободно от зла, и потому, что она была слишком горда, чтобы позволить Бирману сломить себя. После оглашения приговора на суде, который показался мне похожим на представление бродячих менестрелей, мы поняли, что надеялись и ждали напрасно. Все дни до казни Эльза не сказала мне ни слова, хотя я так хотела быть рядом с ней. Когда нас привязали к тем столбам, и палач в красном капюшоне факелом поджег хворост у наших ног, по толпе стоящих вокруг людей прокатился стон. Многие сочувствовали нам и не верили ложным обвинениям. Солдаты стали сдерживать горожан, боясь, что те попытаются спасти нас. Хотя некоторых казнимых задушили перед тем, как сжечь, нас с Эльзой миновала и эта последняя милость. Нам было суждено испытать адские муки еще на земле. Когда первые лоскуты пламени подобрались к нашим ногам, и я почувствовала гарь горячей на нас одежды, Эльза повернула ко мне свое искаженное мукой и ненавистью лицо и крикнула так, что ее голос перекрыл ропот толпы: «Ну что? Ты хотела помогать людям? Видишь, как они отплатили нам! Из-за твоей лживой

доброты я должна умереть на костре! Радуйся, сестра!» Потом она подняла глаза к небу и стала что-то говорить и кричать, но я уже не могла понять ее слов из-за жуткой боли, прожигающей все мое существо. В те минуты она посвятила свою душу злу и навсегда отреклась от людей, предавших ее казни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.